

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ «ПРИУЧЕНИЯ» КУЛЬТУРЫ К ТЕХНИКЕ

Боривое В. Балтезаревич, Марина Д. Миятович

Цивилизационный дискомфорт, возникающий в результате крайней технологизации, способствующей отчуждению человека от природы в себе и вне себя, от телесности как исходной предпосылки, связывающей нас с собой, другими существами, космосом, находит свое отражение и во все более лихорадочном поиске обновления самобытности и единства тела (чувств) и духа посредством различных альтернативных занятий, таких как акупунктура, восточные навыки, арт-терапия и др. Одновременно с совершенствованием технических средств, протезов, сенсорных усилителей и виртуализации растет жизненная потребность в воссоединении с реальностью, ностальгия по контакту с окружающими и природой⁴⁰³.

Технология предлагает иллюзию быстрых и простых решений всех недостатков человеческого существования. Но эта иллюзия всегда имеет слишком высокую цену, потому что верная иллюзия близости не то же самое, что реальная близость с риском. Иллюзия дружеского социального общения, контроля и отсроченного потребления — это не то же самое, что дружеские отношения с ответственностью и взаимностью обмена. Технология оцифровала человека, ввергнув его в кризис идентичности и ингибируя механизмы социальной адаптации и общения, сделав восприятие близости и непосредственного общения угрожающими и нежелательными. Возникновение киберкультуры и виртуальной социальной жизни вызвало множество дилемм у ученых и даже у участников этого типа социального взаимодействия. Наши традиционные представления о пространстве, дружбе, любви оспариваются тем, что люди делают в киберпространстве. Является ли это реальностью или совместной галлюцинацией, где находится

⁴⁰³ *Milivojević Tatjana. Tjelesnost i virtualnost // Medias Res. 2013. Vol.2(3). P. 347.*

этот мир, что люди там делают и почему, это некоторые из самых важных вопросов, задаваемых сегодня о кибермире ⁴⁰⁴.

Чтобы сохранить культурную самобытность и культурные ценности, индивидуальные и национальные, в контакте с технологиями, мы должны четко определить свои приоритеты и ценности, на которых основана наша личная и социальная идентичность. Большим вызовом является тот факт, что процесс разработки новых технологий идет настолько быстро, что не оставляет места для рефлексии и критического осмысления. Нынешнее состояние зависимости от технологий было объявлено в «Манифесте киборга» Донны Харауэй в середине 1980-х годов: «Тревожно, насколько живы наши машины, в то время как мы становимся пугающе инертными» ⁴⁰⁵.

Человеческая инерция и соблазнительность технологий становятся еще более тревожными в сфере Интернета, социальных сетей и виртуальной реальности, поскольку наша сетевая жизнь дает возможность спрятаться от других, в то же время мы взаимосвязаны ⁴⁰⁶ и таким образом мы заменяем реальные отношения и ценности поверхностными отношениями. Новые технологии, сетевое существование и виртуальная реальность приводят к потере ощущения реальности, которое заменяется проекционной действительностью. Теркл Шерри подчеркивает, что в виртуальном пространстве создается ложный образ, который со временем становится нашим реальным исполнением, приводя к деконструкции подлинной личностной и культурной идентичности индивида и социальной общности в физическом мире ⁴⁰⁷ в силу индивидуальной, социальной и культурной

⁴⁰⁴ *Hamman Robin*. One Hour in the eWorld Hot Tub: a brief ethnographic project in cyberspace // *Cybersoc. Cybersociology Magazine*. 1998. Electronic edition. P.1.

⁴⁰⁵ *Haraway Donna*. Manifesto for Cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 80s', *Socialist Review* no. 80. 1985. P. 65-108.

⁴⁰⁶ *Turkle Sherry*. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. Simon & Schuster, 2008. P. 78.

⁴⁰⁷ *Turkle Sherry*. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. Simon & Schuster, 2008. P.224.

диссоциации личности от социальной и культурной идентичности.

Новые технологические изобретения и вытекающие из них медиа стали средством трансформации современной идентичности, потому что вместо реального участия в социальной жизни людям дается суррогат общительности, а культура сообщества трансформируется в культуру изоляции, в которой люди не обращаются к реальным людям, а бестелесным экранам. Мир современных технологий предлагает определенные преимущества и возможности, но при этом меняются приоритеты личности и общества в соответствии с представлением о том, что каждое расширение является одновременно и ампутацией⁴⁰⁸.

В культуре изоляции культурная идентичность личности, как фактор культуры общества, «плавает» в виртуальном суррогатном пространстве, не имея возможности опереться на традиционную культуру, из которой она берет свое начало. В симуляции нет дискриминации между хорошим и плохим, потому что выбор внутри нее не имеет последствий для реальной жизни, так что общение становится поверхностным, подверженным влиянию ускоряющегося времени и отсутствию более глубокого анализа и сосредоточенного внимания. Параллельное общество разрывает преемственность личности и группы с возвращенными традиционными культурными ценностями, что приводит к кризису идентичности личности и общности, является введением в их деконструкцию. Человечество хранится в центрах глубокого внимания, поэтому торможение этих центров в мозге приводит к тому, что человек изменяется биологически (исследование пластичности мозга) и вступает в эволюционный регресс. Индивид утрачивает приобретенные цивилизационные и культурные ценности. Преемственность памяти прерывается, без чего культура вступает в деконструкцию⁴⁰⁹, где термин деконструкция

⁴⁰⁸ *McLuhan Marshall*. *Understanding Media*. The MIT Press, 1969. Reprint edition (October 20, 1994).

⁴⁰⁹ *Carr Nicholas*. *The Shallows*. New York: Norton, 2010.

рассматривается в буквальном смысле как разложение, разделение, развал, то есть разрушение.

Средства массовой информации и новые технологии играют решающую роль не только в отказе от традиционной культуры, но и в создании ее цифровой преемницы, некритически принятой грядущими поколениями. Таким образом, средства массовой информации способствуют возникновению и развитию дисконтинуитета культурных ценностей.

Индивид устанавливает отношения со своим окружением и интегрирует культуру данного общества в структуру своей личности. Посредством этого социального взаимодействия индивид из среды берет основу не только своей общительности, но и точку зрения на самого себя.

Вопрос об идентичности есть вопрос о сущности человека. Идентичность обеспечивает ощущение преемственности между прошлым, тем, что было когда-то, что есть сейчас, и тем, кем человек думает, что он будет. Культурная и национальная идентичность указывает на родственные или идентичные культурные элементы, основанные на традиции, которые признаются и передаются через нее, в стремлении определенной группы или сообщества изобрести и установить принципы своей будущей организации. Культура памяти – это общий опыт, который как «историческая память» распространяется на новые поколения и укрепляет самобытность коллектива, придавая ему преемственность во времени и ощущение, что его члены – предки и потомки связаны общей судьбой. Культура памяти содержит паттерны переработки прошлого в обыденном сознании, вытеснении, релятивизации, изобретательстве, планомерном забвении и т. д., представляющие собой индивидуальные и коллективные конструкции, т. е. образы прошлого, которые индивиды и группы создают в определенных ситуациях, чтобы интерпретировать настоящее с помощью прошлого, создать видение будущего, и определить/укрепить собственную идентичность.

Этому понятию следует противопоставить его противоположность, порожденную цифровизацией, — культуру

забвения. Цифровое хранение, не ориентированное на долговечность, связано с совершенно новым измерением стирания памяти, что приводит к замене аналоговой информации числовым кодированием компьютеров. Деконструкция личной, национальной и социально-культурной идентичности является следствием «приучения» культуры к технике, поскольку в процессе делегирования человеческой памяти внешним носителям (HDD, flash, cloud) мы одновременно делегируем и часть собственной гуманности. Виртуальная реальность в антропологическом и социологическом смысле представляет собой техническое средство косвенного производства реальности, устанавливающее полный контроль над человеком и его действиями, что приводит к отчуждению, кризису культурной идентичности и невозможности создания культурных ценностей в функции социальной сплоченности на основе здорового коммуникативного обмена индивид-общество. Следствием ингибции этих процессов является деконструкция и атрофия культурной идентичности и ценностей индивида и общества, поскольку выживание существующих социальных и культурных ценностей и создание новых сталкиваются с симуляцией взаимодействия.

Контекст экзистенциальной незащищенности и прерывистой идентичности в современном обществе препятствует существованию устойчивых жизненных стратегий. Во фрагментированном времени современный человек не привязан эмоционально к людям и вещам. Сегодняшний социальный и культурный контекст не поощряет откладывание удовлетворения, а, наоборот, продвигает мгновенное удовлетворение как высший «модус вивенди». Сегодня потребительский менталитет диктует и требует, чтобы мы хватали все, что можно, прямо сейчас.

«Именно разница между количеством удовлетворения и gratификации, требуемой индивидом и реально реализованной, делает возможным принудительный фактор, препятствующий удовлетворению каким-либо достигнутым положением, но

постоянно подталкивающий вперед ⁴¹⁰, где этот традиционно признаваемый инстинкт постоянного и немедленного удовлетворения иллюстрируется цитатой из «Фауста» Гёте: «тот инстинкт, который всегда неудержимо толкает вперед». Фрейд указывает, что построение идентичности обусловлено откладыванием удовлетворения в непрерывном процессе движения к недостижимым идеализациям эго и последовательном столкновении с реалиями действительности. Однако сегодня устойчивая идентичность стала препятствием, поскольку в постмодернистском контексте акцент делается не на построении идентичности, а на избегании фиксации.

Время, в которое мы живем, с развитием цифровых медиа, все больше следует за тенденцией «делегирования памяти» (outsourcing) внешним носителям (flash, hdd, sdd, cloud и т. д.) и фактически является ключевым моментом, который, если мы позволим этому произойти без участия нашего критического сознания и информации о его последствиях, безусловно, приблизит нас к роботам, повернув эволюционное развитие человека на эволюционный путь, на котором эмоции, эмпатия и идентичность считаются ненужными. Делегируя свою память, мы на самом деле делегируем часть нашей органической способности к памяти, особенно долговременной памяти, в которой заключена суть того, чем мы являемся как индивиды и как общество, наша индивидуальная и социальная идентичность. Ингибируя идентичность в процессе оцифровки памяти, мы подавляем способность развивать и возвращать ключевые черты, составляющие основные цивилизационные и культурные ценности, унаследованные на протяжении веков. То, что отличает человека от других животных, это наличие абстрактного и критического сознания. Вместо пассивного переживания мы должны понимать, что у нас есть возможность выбора, которая заключается в том, что мы, как сознательные существа, способны выбирать, на что направлять свое внимание, а также как формировать смысл на основе пережитого опыта. Как, наконец, указывает Николас Карр в книге «The Shallows»

⁴¹⁰ Freud Sigmund. Beyond the Pleasure Principle. The International Psycho-Analytical Press, 2013. P.60.

⁴¹¹, интернет и новые технологии создают большую нагрузку на оперативную память, препятствуя концептуализации информации из кратковременной памяти, отвлекая ресурсы, необходимые для стабилизации долгосрочной памяти. Интернет - технология забвения, и используя его как универсальное средство мы больше всего теряем богатство связей в мозгу, потому что эти связи живы и не только представляют доступ к памяти, но и составляют ее. «Когда мы делегируем нашу память машине, мы также делегируем очень важную часть нашего интеллекта или нашей личности» ⁴¹².

Маклюэн⁴¹³ понимал, что эта алиенация была неизбежным следствием использования технологий. Он зашел так далеко, что назвал последующий процесс использования технологии термином «самоампутация». Всякий раз, когда мы используем инструмент для управления миром в большей степени, наши отношения с миром и самими собой меняются. Как природа и природные элементы (огонь и вода) сами по себе не являются нашими врагами, то же самое можно сказать и о технике. Однако в дополнение ко всем преимуществам, которые дает технология, необходимо развивать критическое осознание того, что, с другой стороны, теряется в результате нашего принятия ее использования. Решающее значение для нашего выживания как мыслящего вида, эмпатически чувствующего себя и других и осмысленно принадлежащего к сообществу, — это поддержание внутреннего критического отношения, которое постоянно отслеживает наше использование и подверженность технологиям с присутствующим осознанием их последствий на нас.

⁴¹¹ Carr Nicholas. *The Shallows*. New York: Norton, 2010.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ McLuhan Marshall. *Understanding Media*. The MIT Press, 1969. Reprint edition (October 20, 1994).